

АНДРОЩУК Ф., ЗОЦЕНКО В. СКАНДИНАВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РУСИ: КАТАЛОГ

Paris: ACHByz, 2012. — 367 с.

Рецензируемая книга принадлежит к разряду давно ожидаемых результатов международного научного проекта «Скандинавские древности на территории Руси. VIII—XIII вв.», посвященного сбору и каталогизации предметов скандинавского круга с древнерусских археологических памятников или найденных в ареале политического и культурного влияния Древней Руси.

Перед нами фактически первая работа, в которой ставится и решается путем создания каталога проблема выделения скандинавских древностей Южной Руси, традиционно остро актуальная в контексте противостояния историографических направлений «норманизма» и «антинорманизма», а следовательно, книге гарантировано чрезвычайно пристальное и даже придирчивое внимание со стороны представителей обоих лагерей. Особенно важна работа для исследователей археологии Древней Руси IX—X вв., позволяя оценить количественный и качественный состав потенциальных «северных» элементов как составляющей в формировании древнерусской археологической культуры. Именно на этих аспектах книги, отраженных в её названии, уже успели акцентировать внимание авторы оперативно появившихся рецензий [Плавинский, 2012; Плавинскі, 2012; Ясновська, 2013]. Данный обзор преследует другую цель — рассмотреть содержание книги, в первую очередь, как каталога.

В отличие от каталогов музейных выставок, привлекающих внимание преимущественно качественными фотографиями, но не всегда точностью описаний, тематические каталоги, составленные специалистами в узких проблемах, пользуются особой популярностью среди археологов в качестве настольных справочников. К таким, безусловно, со временем должна попасть и рецензируемая книга, что вызывает закономер-

ный практический вопрос о полноте и точности каталожных статей, адекватности атрибуций и датировок. Интерес авторов тем более предметен, поскольку значительную часть позиций каталога составляют предметы из НФ ИА НАН Украины.

Каталог построен и структурирован по географическому принципу, он состоит из 7 основных частей: введения (Ф.А. Андрощук) и 6 разделов (Ф.А. Андрощук и В.Н. Зоценко), охватывающих зоны Правобережного Среднего Поднепровья (I), территории к западу (IV) и востоку (V) от Днепра, Нижнего Поднепровья (II) и Крыма (III), а также район Среднего Поднепровья без точного места на-

ходки (VI). Каталог сопровождается двумя приложениями с публикацией новых находок из Шестовицкого могильника (В.П. Коваленко, А.П. Моця, Ю.Н. Сытый) и поселения (В.М. Скороход), впервые вводимых в научный оборот. Как отмечается во Введении, решение о публикации отдельного каталога скандинавских древностей с территории современной Украины было принято после задержки в подготовке российской части проекта, чем и объясняется некоторое географическое несоответствие содержания каталога границам Южной Руси. Внутри разделов предметы сгруппированы по памятникам и комплексам, а не по категориям находок. Авторы каталога часто дают краткое описание контекста находки в конкретном комплексе, чего не скажешь о самих памятниках и местонахождениях — принцип справочника в данном аспекте выдержан не до конца.

Введение посвящено формулировке критериев определения «скандинавских древностей» Южной Руси, отобранных для каталога, с краткой характеристикой их специфики. Впрочем, довольно быстро мы убеждаемся, что термин «скандинавский» для авторов является условным (с. 29), а главным критерием отбора предметов для каталога является наличие параллелей форме и соответствий стилистическим и технологическим традициям в материальной культуре всего Севера Европы (с. 36). Это предполагает значительно более широкий круг аналогий, а также неизбежно поднимает проблему центров производства и соотношения оригинала — копии — подражания, с выделением специфических «местных» вариантов, не представленных вне Руси.

Последняя проблема уже обсуждалась в литературе на примере наконечников ножен мечей [Енисова, 1994; Каинов, 2009]. Так, наиболее распространенные на юге Руси наконечники ножен типа I-2 по П. Паульсену или группы В по Н.В. Енисовой (кат. № 93; 118, 120; 156; 166; 189; 208) не содержат специфически скандинавского декора и относятся к технологически простым, доступным для изготовления любому ювелиру. Анализ же «щитообразных» подвесок позволил выделить две четкие группы, находки которых концентрируются соответственно в Швеции и Руси [Новикова, 1998, рис. 4]. Подобные предметы проблематично считать импортом или продукцией скандинавских мастеров на Руси — корректнее говорить о «предметах скандинавского круга влияния». На Гнёздовском поселении зафиксированы остатки производства на месте древнерусскими мастерами фибул, подвесок, амулетов и т.д. и без заметных видоизменений, с сохранением исходных «скандинавских» признаков [Енисова, 1998; 2001].

К сожалению, лаконизм вступительной части и отсутствие каких-либо выводов или заключения в конце книги не позволяют непосредственно из текста понять позицию авторов каталога по данному вопросу. Проблема копирования, подражания и местной доработки импортных предметов поднимается только для мечей «каролингского типа» в самой Скандинавии, с выводом о возможности изготовления рукоятей части мечей скандинавскими

мастерами уже на территории Руси (с. 25—29). Но в каталоге, например, фигурирует клинок из котлована плотины Днепростроя (кат. № 79) вообще без рукояти с европейским клеймом в виде костыльного креста, дату которого Ф.А. Андрощук называет неопределенной (с. 124). Т.е. фактически в каталоге просто собраны все известные авторам южнорусские мечи X — начала XI в., невзирая на наличие или отсутствие собственно скандинавских черт.

Продукцией скандинавских кузнецов Ф.А. Андрощук считает предметы, выполненные в технике трехслойного пакетирования (с. 31—32), правда, занеся непосредственно в каталог только ножи из погребений Шестовицы (кат. № 123; 124; 156; 176; 177; 196; 206). Для такой осторожности действительно есть основания, ведь специалисты по древнерусскому железоделательному ремеслу считают скандинавской (или «североевропейской») по происхождению технологическую традицию трехслойного пакета, а не все изготовленные таким способом предметы [Вознесенская, 2010, с. 90—91]. Об исключительной монополии Севера на трехслойный пакет речь также не идет — например, данный технологический прием использовался салтовскими кузнецами VIII—IX вв. для орудий труда, хотя не для ножей; хорошо знакомым им было и фосфористое железо [Толмачева, 1990].

У славян Днепровского Левобережья ножи, изготовленные трехслойным пакетированием, появляются еще в волынцевской культуре VIII — начала IX в., о чем свидетельствует находка из жилища на поселении Волынцево, а на роменском этапе доля предметов в этой технике уже достигала 19—21 % [Вознесенская, 1990, с. 390—392; рис. 85; Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997, с. 208—213; рис. 8]. Выше показатели, чем в материалах Шестовицы (31 %), по данным Г.А. Вознесенской, для юга в X—XI вв. демонстрируют материалы Вышгорода и Старокиевской горы Киева (41 %). На севере же Руси в X—XI вв. трехслойный пакет вообще относится к доминирующей технологии [Розанова, 1990, с. 94—95], т.е. предположение о её использовании только кузнецами — скандинавами влечет сомнительный вывод о существовании некой «этнической монополии» на профессию. Показательно также присутствие в Гнёздове, Киеве и Вышгороде заготовок из трехслойного пакета и отдельно — из твердой стали [Вознесенская, Недопало, Паньков, 1996, с. 130; Розанова, Пушкина, 2001, с. 81]. Более уверенно об импортном характере предметов свидетельствует редкая технология пятислойного пакета, наблюдаемая на ножах со Старокиевской горы [Вознесенская, 1981, с. 273; 2005, с. 101—102], впрочем, в рецензируемом каталоге не представленных.

Из кузнечных изделий Ф.А. Андрощук и В.Н. Зоценко отнесли к «скандинавским древностям» только пакетные ножи и предметы вооружения (мечи, наконечники копий и стрел, умбоны и миниатюрный топорик), тогда как в приложениях других авторов каталога фигурируют железная «вилка», топор, лодейные заклепки (кат. № 255; 258; 274; 275; 280—282). Спектр подобных железных находок, относимых в литературе к

«скандинавским», конечно же, гораздо шире, что справедливо отмечено во Введении (с. 32).

Избирательность наблюдаем в каталоге и с целым рядом других категорий предметов, но уже без разъяснения её принципов. Например, в случае с подковообразными фибулами. Несмотря на нехарактерность данного типа украшений для восточнославянских культур VIII—IX вв. южнорусского ареала, в каталог внесены только три фибулы с зооморфными окончаниями (кат. № 41; 73; 96) и одна с полиэдрами на концах (кат. № 193). Если фибулы с простым декором отбирались только достоверно из комплексов X в., то, скажем, почему в каталоге не нашлось места фибулам из погребений 110 и 123 Киева [Каргер, 1958, табл. XVI, 7; XXVII], черниговского кургана Гульбище или захоронений Седнева [Самоквасов, 1916, рис. 56, № 3194; 66, № 3509; 68, № 3542]? Аналогичная ситуация с серебряными бусинами из рубленого дрота — в каталоге фигурирует лишь одна (кат. № 198).

Авторы используют из коллекции Ханенко подковообразную фибулу из Сахновки (кат. № 73), но не кольцевую фибулу с медвежьими головками с того же памятника [Ханенко, Ханенко, 1902, табл. XVIII, № 304]. Из комплекса жилища 1 на селище Монастирѣк в каталоге фигурирует ланцетовидный наконечник стрелы (кат. № 69), но не блеснообразная застежка [Максимов, Петрашенко, 1988, рис. 54, 3]. Стоило бы также поместить в работе обоснование отбора в качестве «скандинавских» лишь части известных южнорусских гребней X в. и роговых острий (кочедыков) с окончаниями в виде головок животных.

В каталоге нет сканной фибулы типа «Терслев» из Седнева [Самоквасов, 1916, рис. 61, № 3446], зато в качестве матрицы для такой фибулы интерпретирована и внесена в перечень матрица из «Княжей горы» (кат. № 72). Низкий рельеф данной матрицы свидетельствует, что она предназначена для отгиска бляшек из тонкой золотой и серебряной фольги, а происходит она из набора [Ханенко, Ханенко, 1902, № 270—172], аналогичного более яркому набору матриц конца XII — первой половины XIII в. из Чернигова [Моця, Казаков, 2011, с. 151—156]. О чистой случайности сходства говорит полное отсутствие фибул типа «Терслев» с прессованным декором основы среди находок Южной Руси, то есть продукции этой гипотетической мастерской, реконструированной В. Дучко [Duczko, 2004, p. 226—227].

Критерии отбора оселков для каталога не оговариваются, поэтому читателю остается непонятным, что же является характерным «скандинавским» признаком: морфология, конструкция, материал? Так, в подборку вошли два оселка с металлическим кольцом из Монастырька и к. 12 Шестовицы (кат. № 67; 122), но в каталоге отсутствуют аналогичные оселки из Черной могилы и Седнева [Самоквасов, 1916, рис. 27, № 3319, 3320; 64, № 3481]; есть «полосатые оселки» X в. без кольца из п. 125 Киева (кат. № 13) и к. 98 Шестовицы (кат. № 197), а также из объектов XII в. Киева и Лескового (кат. № 37; 231), но нет «полосатого оселка» из черниговского кургана Безымянный [Самоквасов, 1916, рис. 60, № 3236].

Если в случае с «полосатыми оселками» авторы, очевидно, разделяют представление о скандинавском происхождении их материала — «полосатого сланца»¹, единственным основанием отнесения именно к «скандинавским древностям» вполне ординарных оселков из Шестовицких захоронений (кат. № 157; 259; 260) может служить разве что их находка в комплексе с другими предметами скандинавского круга, хотя такой принцип отбора не афиширован во Введении.

Для гнёздовских оселков было действительно проведено специальное исследование с определением пород камней, их состава и происхождения, трасологии и функционального назначения, позволившее предполагать скандинавский импорт части предметов [Бычкова, Енисова, Нилус, Пушкина, 2008], но даже научного геологического определения минерала южнорусских точильных камней, как и фрагмента каменной сосуда (кат. № 3), авторы рецензируемого каталога не приводят.

На примере комплекса знаменитой Черной Могилы видим, что в каталог внесены два меча (кат. № 218; 219), но не скрамасакс и наконечники копий [Самоквасов, 1916, рис. 8, 30], нет гребня, а из набора для скандинавской игры *hnefatafl* присутствует лишь фигурка «короля» (кат. № 220) без костяных «пешек» и игральных костей [Самоквасов, 1916, рис. 36, № 3391, 3403; 42, № 3424, 3425, 3430, 3431]. Приходится только догадываться, что это является следствием «раскола» проекта, в котором каталогизация материалов из коллекции ГИМ (Москва) изначально возлагалась на других исследователей.

Вопрос присутствия среди древностей юга Руси упомянутых выше наборов для игры *hnefatafl* (др.-русс. «тавлеи») авторами каталога обходится. Возможно, такая позиция обусловлена нерешенностью самой проблемы происхождения игры, или же проблемой центров производства игральные фигурки, подавляющее большинство которых для X в. изготовлены из стекла. Впрочем, контекст подобных находок игральные наборы в древнерусских комплексах, сопровождавшихся обычно торговым и военным инвентарем, как и их широкая распространенность в скандинавском регионе, всё же свидетельствуют о необходимости рассмотрения данной категории артефактов в контексте культурных маркеров северо-европейского круга. В исследуемом регионе наборы для *hnefatafl* присутствуют в богатых мужских погребениях X в.: п. 108 Киева [Каргер, 1958, с. 171, табл. XIV], Чёрной Могиле [Самоквасов, 1916, с. 32—33, рис. 38, № 3415; 42, № 3424, 3425, 3429—3431], к. 24, 33, 98 Шестовицы [Смоличев, 1926, л. 1об. — 2; Станкевич, 1962, с. 24—25; Блѣфельд, 1977, с. 123—124, 127], Седневе [Бранденбург, 1908, с. 198, № 310; Самоквасов, 1908, с. 204, № 3567; 1916, с. 58, рис. 69], причем, кроме стеклянных фишек, представлены фигурки из кости и камня. Ещё более уверенно о скандинавском происхождении игральные прина-

1. Весь сланец на границах пластов обычно «полосатый» с прожилками; главное же отличие таких предметов состоит в способе разрезания заготовки поперек пласта, а не вдоль.

длешностей можно говорить в случае с фигурками «луковичной» и «грушевидной» формы и костями, из моржового клыка, происходящими из слоя XII в. Киевского Подола [Сагайдак, Хамайко, Вергун, 2008, с. 137—145].

Отдельной сложной проблемой каталога являются «анахроничные» предметы из древнерусских кладов горизонта монгольского погрома Руси 1238—1240 гг. (кат. № 47—54, 222, 223) и кладов XI—XII вв. (кат. № 106, 107).

Г.Ф. Корзухина справедливо сравнила позолоченные серебряные крестообразные подвески (кат. № 47—53) из киевского клада 1903 г. на территории Михайловского монастыря [Ханенко, Ханенко, 1907, с. 36—39] с золотыми подвесками клада из Хидденсе (конец X в.) и аналогичными из кладов Готланда первой половины XI в. [Корзухина, 1954, с. 66; рис. 13], но предположению об использовании михайловских подвесок 150—200 лет решительно противоречит их хорошее состояние сохранности. Памятные серебряные украшения с зернью за такой долгий промежуток были бы многократно деформированы, сломаны или потеряли бы часть зерни, как это и наблюдается в кладах Готланда XI в. [Stenberger, 1947, abb. 174, 10; 181, 2; 185, 3; 192, 3; 223, 2; 1958, abb. 47, 10, 11]. Хорошо знали о ломкости михайловских украшений и их владельцы — все крестообразные подвески из данного комплекса усилены специально напаянными с тыльной стороны пластинами.

Такая бережливость выглядит странной для статусных предметов убора, поскольку двухстолетнее (если не дольше!) ношение одних и тех же украшений вряд ли добавляло роду престижа. Интересно, что подвесок стиля Хидденсе нет в древнерусских кладах X—XI вв., а близкая подвеска с мордовского п. 6 Ефаевского могильника происходит из комплекса конца XIII — XIV вв. [Беговаткин, 2010, с. 10; рис. 1, 1], т. е. михайловский клад 1903 г. не является исключением. Происхождение украшений данного типа подсказывает набор византийских подвесок из Египта, украшавший литургическую утварь [Benazeth, 1992, p. 287]. Не исключено, что присутствие подвесок стиля Хидденсе в кладах середины XIII в. также связано не с неожиданной реанимацией скандинавской моды рубежа X—XI вв., а скорее с другим способом их использования в Руси, соответствующим собственно византийской церковной традиции.

Иная ситуация с древнерусскими браслетами и гривнами XI—XIII вв., выполненными в русле схем плетения, заданных ещё североевропейскими образцами X—XI вв. Браслет со схематическими звериными головками на концах из клада 1841 г. с Михайловской горы Киева (кат. № 54) является уже крайне отдаленным «родственником» готландских XI в. [Stenberger, 1947, abb. 242; 247, 1; 250, 30; Наследие ..., 1996, с. 69—70], заметно отличаясь от них способом плетения (исключение — замкнутый браслет из Клинца: [Stenberger, 1947, abb. 407]) и отсутствием любых орнаментальных мотивов в оформлении головок-окончаний. Готландским действительно близки браслеты с Княжей горы [Черненко, 2007, рис. 20,

3] и из Кремлевского клада [Наследие ..., 1996, с. 108, 116], причём последний включал и ряд других предметов, имеющих аналогии в кладах X — первой половины XI в. Но, например, три браслета из клада в Женье в Венгрии, украшенные на концах головками львов, считаются южно-русской продукцией [The Ancient ..., 1996, p. 378], т. е. речь всё же идет о заимствовании формы и технологии, их адаптации и успешном дальнейшем развитии древнерусскими ювелирами.

Браслет из Михайловского клада 1997 г. [Ivakin, 2007, fig. 19, 4] ближе по технике плетения скандинавским, чем браслет клада 1841 г. (кат. № 54), при этом он декорирован концах плоскими звериными головками, подобными завершениям цепи из польского клада в Боруцине [Rauhut, 1955, tab. XI]. Последняя также приводилась как аналогия скандинавским [Stenberger, 1958, abb. 49; 50], но характерный растительный декор окончаний с мотивом трилистника все же относит изделие к кругу серебряной торевтики юга Восточной Европы, формировавшейся под византийским влиянием; об этом же свидетельствует и сам тип предмета (плетеная цепь), имеющий римско-византийские корни, в противовес традиционному украшению Севера — гривне. Плоские звериные головки окончаний цепей в стиле Боруцинского клада представлены в кладах XI—XII вв. из Мироновского фольварка (с. Владимировка, Мироновский р-н Киевской обл.) [Гущин, 1936, табл. X, 7] и Киевском клада 1876 г. из усадьбы Лескова горизонта погрома 1240 г. [Кондаков, 1896, рис. 76]. Головки на концах цепи из клада нач. XII в. из Альменниге [Наследие ..., 1996, с. 63] являются ближайшей аналогией цепи из черниговского клада 1883 г., фигурирующей в качестве «скандинавского» изделия в рецензируемом каталоге (кат. № 222), но ювелиры севера Европы в каждом случае модифицируют «звериные» окончания цепей под местные вкусы.

Из трех упомянутых в каталоге поздних кладов: киевских 1841 и 1903 гг. и черниговского 1883 г., только последний может принадлежать к концу XII — началу XIII в., тогда как дата кладов с территории Михайловского монастыря несомненно привязана к событиям 1240 г., когда киевляне массово пытались найти последний приют в монастыре и Десятинной церкви, закапывая свои украшения и деньги вблизи храмов. Изъятие из таких закрытых комплексов отдельных украшений на основании аналогий XI в. методологически не оправдано, корректнее говорить не о 200-летнем использовании предметов, а о долгом бытовании и воспроизведении отдельных типов. Для ответа же на вопрос: имели ли отношение к изготовлению украшений кат. № 47—54, 106—108, 222, 223 непосредственно скандинавские мастера, или же речь идет только о повторении распространенных северных типов русскими ювелирами, безусловно, необходимы глубокие технологические исследования артефактов.

Некоторые позиции (кат. № 74, 121, 258, 283) вообще вызывают сомнения в целесообразности их появления в данном каталоге. Круглая подвеска из Сахновки (кат. № 74) с симметричным изобра-

жением переплетенных хвостами грифонов [Ханенко, Ханенко, 1902, с. 35; табл. VII, № 374] скорее относится ко времени романских влияний на Руси (XII в.). Пиррофиллитовое пряслице XII в. из Звенигорода (кат. № 121) с надписью «SIXRID» в стиле «руники» печально известных Прильвицких идолов удивило Е.А. Мельникову невозможным для XI—XII вв. использованием руны старшего алфавита [Мельникова, 2001, с. 209—212]. Несмотря на уникальность подобной находки в контексте региона и даты комплекса, у авторов каталога никаких предостережений на её счет не возникает. К сожалению, археолог всегда должен учитывать фактор «студенческих шуток», одним из наиболее распространенных среди которых является царапание знаков и надписей, в т. ч. и на только что найденных артефактах.

Топор (кат. № 258) в каталоге, очевидно, фигурирует не более чем в качестве сопутствующего инвентаря из шестовицкого погребения, поскольку его скандинавское происхождение обосновать откровенно сложно. А вот пластинчатый браслет с расширенными концами и надчеканкой в стиле «волчий зуб» (кат. № 283) явно не имеет отношения к изделиям севера Европы, где полностью доминировала форма браслетов с заузженными концами. Тип браслета с расширенными концами в более ранней версии с прокованным ребром и декором мелкой надчеканкой был основным на Левобережье Днепра в VIII—IX вв., а в X—XI вв. аналогичные шестовицкому плоские пластинчатые браслеты с различными видами надчеканки особенно популярны у радимичей [Богомольников, 2004, рис. 20, 15—17].

Наконец, наиболее серьезной проблемой комплектации каталога следует признать наличие предметов из «частных коллекций». Все позиции (кат. № 75—77, 95, 96, 98, 99, 108, 109, 115—118, 225, 226, 228, 229, 232, 233, 236, 237, 242) внесены Ф.А. Андрощуком, не объясняющим в книге ни принципов работы с такими артефактами (личное изучение предмета, знакомство по фотографии?), ни источник для локализации находки (коллекционеры, грабители, другие информаторы?). «Частные коллекции» каталога всегда анонимны (указан только город), что прозрачно говорит об их комплектации незаконным способом. Номера же каталога № 232, 233, 236, 242 и вовсе заимствованы из интернет-аукционов. Такие номера не выделены в отдельный раздел и не даже занесены в раздел VI к находкам с неопределенным местом находки, а разбросаны между реальными археологическими артефактами и музейными экспонатами, т. е. фактически приравнены к ним в научном смысле.

Кроме неизбежного вопроса о профессиональной этике археолога, который во всем мире обязан категорически избегать сотрудничества с грабителями археологических памятников и коллекционерами с сомнительной репутацией, возникает и чисто научная проблема: какова степень достоверность представленной информации? Уверенность, с которой автор без кавычек и замечаний повторяет в каталоге «легенды» грабителей, просто пора-

жает! Учитывая сознательное сокрытие «рыбных мест» грабителями от своих же «коллег по цеху» и археологов, а также распространенное перемещение находок из одного региона в другой, где они более редкие, для повышения цены на черном рынке, как можно проверить, действительно ли предмет происходит из указанного пункта? Или что он вообще найден на территории Украины? Какая часть таких предметов проверена автором на предмет подлинности и каким именно методом? И наконец, как быть с общенаучным принципом проверяемости результатов исследования, если предмет никогда не исследовался и хранится неизвестно где? Или автор данных статей каталога, по пресловутому примеру отдельных экс-коллег, видит будущее археологии лишь в издании фотографий с грабительских сайтов?

Минимум для трети предметов авторами не установлено место хранения, причем это почему-то касается и экспонатов из тех учреждений, коллекции которых хорошо описаны, и обрабатывались для каталога: НФ ИА НАНУ (Киев), ЧОИМ им. В.В. Тарновского (Чернигов), ГИМ (Москва), ДНИМ им. Д.И. Яворницкого (Днепропетровск); часть названий учреждений указаны неточно. В тексте каталога авторами так и не был исправлен целый ряд ошибочных инвентарных номеров предметов из Научных фондов ИА НАНУ (кат. № 124, 147, 214, 161, 173, 206, 208), хотя их перечень предоставлялся редакции в процессе подготовки издания книги. Удивление вызывает также формулировка «времененно до передачи в музей [какой?] — Фонды Института археологии НАН Украины». За около 80 лет существования фондов ИА НАНУ право академического института формировать научные коллекции по профилю специализации, насколько нам известно, никогда официально не подвергалось сомнению. Кто же непосредственно касается внесенных в каталог предметов из Научных фондов ИА НАНУ, то все они переданы именно на постоянное хранение.

Библиография в статьях каталога крайне лаконична, учтены преимущественно новые публикации, а сами ссылки не всегда выверены. Недостаток ссылок на первоисточники приводит даже к ситуации утверждения о первой публикации предмета (кат. № 74), изданного более века назад [Ханенко, Ханенко, 1902, с. 35; табл. VII, № 374].

Для целого ряда предметов (кат. № 5, 9, 10, 13, 16, 17, 54, 97, 102, 103, 149, 156, 161, 171, 174, 194—198, 203, 205, 211, 213, 215, 217, 221—225, 232—234, 236, 237, 245, 256—261) не приведены размеры, порой без объективных на то причин. Учитывая, что на фотографиях каталога нет масштабов, а подгонка «1 : 1» весьма приблизительна, размеры целесообразно было бы указать даже для фрагментов вещей.

Определение материала предметов в каталоге исключительно визуальное, причем термин «бронза» у авторов покрывает также медь и латуни, а «железо» — пакетные изделия из железа и стали. Остается только догадываться, как именно определен материал предметов нелегальных интернет-аукционов.

Больше всего проблем с локализацией находок в каталоге, как это ни странно, приходится на Киев. В частности, не слишком удачной идеей выглядит попытка привязать захоронения древнерусского могильника II на плато и террасах к современным домам подольской ул. Кирилловской (кат. № 5—14). Кроме неточности целого ряда номеров, механическое перенесение таких пунктов на карту приводит к ошибочной локализации курганов у подножия горы (с. 33; рис. 7, 1; такая же проблема: [Ивакин, 2011, рис. 3]).

Меч (кат. № 15), отнесенный А.М. Кирпичниковым к п. 117 по М.К. Каргеру [Каргер, 1958, с. 190—191; Кирпичников, 1966, с. 80—81; № 51; рис. 6, 2], представлен в каталоге с неточной ссылкой как случайная находка на могильнике II. Фибулы (кат. № 16, 17) из находки 1936 г. «у т. н. Боричева спуска» [Каргер, 1958, с. 218] локализованы в каталоге возле Андреевского спуска, тогда как в 1930-е гг., до выхода статьи Д.И. Блифельда [Блифельд, 1948], «Боричевым» традиционно считали Михайловский спуск. Именно здесь, в усадьбе взорванной Трехсвятительской церкви (а не возле Андреевского спуска), в 1936 г. действительно проводились масштабные земляные и строительные работы, которые и могли привести к разрушению могил Х в. При локализации п. 112 (с. 66) авторами повторяется ошибочная информация М.К. Каргера о его расположении на северо-запад от Десятинной церкви [Каргер, 1958, с. 178], тогда как указанное камерное захоронение находилось на северо-восток от церкви, и даже за «восточным» дворцом, примыкая к его фундаментам с востока (см.: [Михайлов, Ёлшин, 2004, рис. 2]). Усадьба Кривцова (кат. № 41) располагалась не по адресу «ул. Большая Житомирская, 2», а на углу Владимирской и Десятинной улиц (бывшие Десятинная и Трехсвятительская) [Хойновский, 1893, рис. 1] на месте современного д. № 1 ул. Владимирской; усадьба же Сикорских (с. 101) на самом деле находилась по адресу ул. Ярославов вал, 15-Б. На карте каталога неточно обозначены не только указанные пункты, но и ряд других позиций (рис. 7, 13—15).

Судя по тексту статей (кат. № 70—72), авторы каталога воспринимают коллекцию «Княжая гора» из собрания Ханенко (сейчас в НМИУ) буквально как происходящую с древнерусского городища у с. Пекари, тогда как на самом деле речь идет о разновременных материалах от эпохи бронзы до позднего средневековья из Среднего Поднепровья, которые только продавались коллекционерам под маркой «Княжей горы». В достоверных коллекциях из раскопок и разведок на самом городище отсутствуют не только предметы скандинавского круга, но и вообще материалы Х в.

Близкая ситуация с коллекцией священника с. Вишенки Остерского уезда Ф.П. Яновского (в каталоге — кат. № 238), части которой сейчас хранятся в НМИУ (Киев), ГИМ (Москва) и фондах ИА НАНУ. Пункт находок традиционно привязывается непосредственно к самому с. Вишенки, хотя Ф.П. Яновский был крупнейшим коллекционером всей округи, а слабую конкуренцию ему в собирании древностей здесь составлял только Н.Ф. Беляшевский.

Бывшее с. Монастырѣк совсем не тождественно с. Луковица (с. 110), а археологический памятник «городище Монастырѣк» на данный момент расположен на территории Государственного историко-культурного заповедника «Трахтемиров». Для отнесения места находки булавки (кат. № 84) к Звонецкому порогу нет никаких оснований, очевидно, она искусственно объединена с финской коньковой подвеской № 299 каталога коллекции А.Н. Поля [Мельник, 1893, с. 96, 99; табл. X, № 299]. Курган «Игорева могила» находится не в г. Коростень (с. 155), а к востоку от с. Немировка Коростенского района.

В передаче контекста предметов авторы каталога почему-то не различают разрушенные погребения, подъемный материал, незаконные раскопки и скупку предметов коллекционерами, покрывая все термином «случайная находка». Информация об обстоятельствах находок также часто включает моменты, не соответствующие действительности.

Так, мечи из котлована плотины Днепрогэса (кат. № 79—83) найдены в 1928 г. не под правым берегом Днепра возле колонии Кичкас (с. 124), а между о. Черным и левым берегом Днепра, принадлежавшим тогда к землям с. Вознесенки. В качестве контекста находки передан ошибочный перечень из публикации Н.А. Чернышева [Чернышев, 1963, с. 211], не соответствующий дневникам В.А. Гринченко, производившим археологическое наблюдение за строительством. Не лишне было бы указать также, что в настоящее время это территория г. Запорожье, а один из мечей (кат. № 79) сохранился в фондах ДНИМ им. Д.И. Яворницкого (Днепропетровск).

Пинцет и браслет (кат. № 28, 29), по каталогу, происходят из раскопок Десятинной церкви Д.В. Милеева 1907 г., тогда как раскопки им были начаты лишь в 1908 г., а в 1907 г. велись работы В.В. Хвойки на усадьбе Петровского. Фрагмент рогового изделия с резьбой (кат. № 27) из новых раскопок на усадьбе Десятинной церкви (2006 г.) на самом деле происходит не из кремации (с. 70), а из подкурганной угольной прослойки над ингумационным погребением. Наконечник копья (кат. № 30) не «депассортизирован» (с. 73), а, согласно публикации, происходит из материалов раскопок 1936 г. Ф.Н. Мовчановского [Церква ..., 1996, с. 189]. Если у авторов имеется другая информация, это следовало бы оговорить.

В соответствии с каталогом, меч с инкрустированной рукоятью (кат. № 66) найден в Днепре во время строительства Московского моста в 1976 г., хотя в этом году мост уже был введен в эксплуатацию, а в публикации П.П. Толочко, которая почему-то не упоминается Ф.А. Андрощуком, приводятся совсем другие данные: меч обнаружен в 1971 г. на Оболони во время геологического бурения по трассе метрополитена [Толочко, 1980, с. 29]. Если упомянутая в каталоге привязка к Московскому мосту имеет какой-то смысл, то речь идет о районе современной станции м. Петровка.

Ребро с изображением дракона (кат. № 239), обстоятельства находки которого авторам не известны (с. 307), происходит из раскопок В.Е. Козловской

1910 г. роменско-древнерусского городища у оз. Буромка вблизи Сосницы [Козловская, 1912, с. 141]. Кресаловидная подвеска (кат. № 240) приписана к раскопкам В.М. Щербаковским курганного могильника у с. Денисы (с. 308), тогда как возле с. Денисы нет курганного могильника, а в 1914 г. В.М. Щербаковский производил работы на Леплявском курганном могильнике. Возле же с. Большой Букрин на самом деле нет городищ (с. 348).

Атрибуция предметов и приведенные аналогии в большинстве случаев корректны, но все же к ряду номеров каталога возникают замечания.

Крестообразная накладка сумочки из михайловского п. 49/1999 г. в Киеве (кат. № 46) сравнивается в каталоге с подвесками-крестиками типов 1.2.2 и 1.2.6 по Й. Штекеру (с. 92), хотя с типом 1.2.6 её вообще ничего не связывает, а с типом 1.2.2 — лишь форма равностороннего креста. Схема декора накладки с выделенной центральной осью креста и её обрамлением позолоченной псевдозернью скорее заставляет обратить внимание на литые крестики типа 1.4.3 [Staecker, 1999, s. 110—116], более известные в древнерусских материалах как «крестообразные подвески скандинавского типа» [Фехнер, 1968]. Один из таких крестиков присутствует и в самом п. 49/1999 г. [Ivakin, 2007, fig. 10, 21; pl. 6], а ближайшим по схеме декора к накладке является крестик из клада 1993 г. в Гнёздове [Пушкина, 1996, рис. IV, 1]. Крестообразная подвеска из к. 78 Шестовицы (кат. № 182) также не имеет ничего общего с типом 1.2.2 — в каталоге Й. Штекера ей близки (но не аналогичны) только подвески типа 1.2.4 [Staecker, 1999, s. 98—101].

Пинцет из Киева (кат. № 28) совсем не является аналогией пинцету из п. 860В Бирки (с. 72) — последний представлен типом с ровной нижней частью и изогнутой верхней [Arbman, 1940, taf. 171, 11], известным, в частности, и в Шестовице [Коваленко, Моця, Сытый, 2003 рис. 11, 32]. Втульчатое тесло из к. 36 Шестовицы (кат. № 141) с шириной рабочей части в 7,5 см в каталоге ошибочно интерпретировано как «зубило», то есть как металлообрабатывающий инструмент, а походный набор кузнечных инструментов (клещи, напильник, молоток с наковаленкой — кат. № 142—145) превратился в «набор ювелирных инструментов» (с. 192—193). «Железная гривна» из к. 138 Шестовицы (кат. № 207) диаметром всего 6 см, безусловно, является браслетом.

Нечищенный обломок железного изделия из вала городища Шестовицы (кат. № 276) атрибутировать вообще сложно, но если это действительно амулет скандинавского круга, то его подвеску проблематично считать «копьем» (с. 354). По соотношению размеров подвески с кольцом и способу ее крепления, данный предмет скорее можно сравнить с миниатюрными железными имитациями кос [Arbman, 1940, taf. 108, 3; Новикова, 1991, рис. 5, 1].

Т. н. «полосатые оселки» (кат. № 13; 37; 197; 231), согласно исследованию гнёздовских образцов, не пригодны к использованию в качестве точильных камней из-за неоднородной структуры, включающей прослойки различной твердости [Бычкова, Енисова, Нилус, Пушкина, 2008,

с. 313], поэтому полировка поверхности таких предметов и их функциональное предназначение нуждаются в ином объяснении. По наличию кольца или отверстия для подвешивания, до установления их реальной функции, данные предметы корректнее называть «привесками».

Бронзовая золоченая статуетка из Чёрной могилы (кат. № 220) атрибутирована в каталоге как «фигурка бога Тора» (с. 289), хотя изображение человека здесь весьма детальное (кафтан, пояс), а найдена она в комплексе с костяными игральными фигурками и костями. Аналогичные фигурки присутствуют и в ряде скандинавских комплексов с игральными принадлежностями. Это вырезанный из китовой кости сидящий человек из Бальдурсхеймура (Исландия), янтарная полуфигура человечка из Рохолте (Дания), вырезанный из моржового клыка сидящий человек из Лунда (Швеция) [Les Vikings, 1992, p. 387, cat. n° 71, 602, p. 203, fig. 3] и др. Во всех случаях персонажи изображены сидящими, иногда, как в случае с фигуркой из Лунда, на декорированном стуле (троне?), и все они держат в руках собственную бороду, заплетенную в одну или две косы. Этот образ близок средневековым изображениям шахматных королей Северной Европы, а для комплексов эпохи викингов фигурки уверенно интерпретируются как «короли» наборов игры *hnefatafl* [Les Vikings, 1992, cat. n° 71, 77, 602; Whittaker, 2006, p. 107—108; Graham-Campbell, 1980, n° 99—101, p. 513, n° 99]. Учитывая, что на территории Южной Руси известны и другие находки атропоморфных фигурок в комплексах с игральными принадлежностями (см.: [Хамайко, 2012]), есть все основания отнести и черниговскую находку никак не предметам скандинавского культа, а к «королям» популярной в «дружинной» среде русов X в. настольной игре скандинавского происхождения, наглядно демонстрирующей былинные «тавлии золоченые».

Целая серия наконечников стрел из каталога (кат. № 87, 89, 91, 129—134), отнесенная к «ланцетовидным» [Wegraeus, 1986, s. 21—44], однозначно таковыми не являются — это бронебойные четырехгранные или «шиловидные» наконечники. Наконечники копий из Коростеня (кат. № 101) и курганов 41, 58 Шестовицы (кат. № 164, 151) отнесены к типу Е по Я. Петерсену, хотя главным типобразующим признаком типа Е сам Я. Петерсен называл короткую втулку [Petersen, 1919, s. 26]. Показывая сходство по длине их втулки с типом К, а по соотношению длины втулки и пера — с типом М, такие наконечники просто не вписываются в типологию Я. Петерсена. Аналогично с наконечником из Бондарей (кат. № 235), который отличается от типа G [Petersen, 1919, fig. 17; 18] листовидной формой пера.

Меч из Черкасс (кат. № 78) по форме навершия не может принадлежать к типу V по Я. Петерсену — ему ближе всего тип W [Petersen, 1919, s. 156—158]. Меч из Бичевой (кат. № 114) относится к типу В по А.М. Кирпичникову [Кирпичников, 1966, с. 26], и, скорее, к типу С по Я. Петерсену, поскольку последний выделяет два похожих типа В и С с различными пропорциями навершия

[Petersen, 1919, s. 61—63, 66—70]. Меч из к. 83 Шестовицы (кат. № 184) отличается от типа Н в направлении типа I по Я. Петерсену узкой нижней частью навершия; одновременно его верхняя часть не подтреугольная в плане, а сглаженная, подобно типу U особому по А.М. Кирпичникову [Кирпичников, 1966, с. 32—33]. Принадлежность к типу Н нереставрированного меча из камерного захоронения 2006 г. в Шестовице (кат. № 253) на данный момент не может быть установленной.

Киевская круглая фибула из п. 124 (кат. № 8) сравнивается в каталоге со щитком кольца из Норвегии (с. 50), но последний лишь выполнен в стиле сканнхеймских фибул с четырьмя симметричными медвежьими головками, представленными в т. ч. и в Руси экземпляром из камерного п. I Пскова [Jakovleva, 2004, p. 19]. Литые копии фибул данной группы из Бирки И. Янссон выделил в группу II [Jansson, 1984, fig. 8, 2], киевский же экземпляр, судя по потере четкой личины медведя, выполнен как сканная имитация.

Другая фибула (кат. № 26) с переплетенным сканнхеймским декором из п. 122 Киева не относится к группе I литых круглых фибул по И. Янссону (с. 69), а должна быть отнесена в его типологии к группе V сканнхеймских [Jansson, 1984, s. 65]. Правда, логика авторов в последнем случае понятна — существующие типологии круглых фибул не универсальны, и не учитывают то обстоятельство, что литые фибулы во многих случаях являются лишь дешевыми копиями дорогих сканнхеймских изделий, а сама схема декора повторяется еще и на подвесках с ушком. Ярким примером последнего является перенос названия «тип Терслев» на фибулы [Duczko, 1985, p. 82; Ениосова, 2008], хотя в самом кладе из Терслева присутствуют только золотые подвески, аналогичные серебряным подвескам Гнёздовского клада 1867 г. [Гуцин, 1936, табл. IV, 19—25]. Несмотря на уже устоявшуюся историографическую традицию, корректнее все же говорить не о «типе», а о «стиле Терслев» в котором декорированы функционально различные предметы: подвески и круглые фибулы, а также их литые подражания.

В отличие от фибулы из п. 122, маленькие сканнхеймские киевские фибулы стиля «Терслев» (кат. № 43, 44) с подобными литыми из Бирки (группа IV, тип A2) авторами каталога не сравниваются, зато в приложении ближайшей аналогии им почему-то называется литая фибула из Шестовицы (кат. № 262) (с. 347). Последняя к сканнхеймскому типу «Терслев», отношения не имеет и объединяет элементы фибул вариантов ПА-В по И. Янссону [Jansson, 1984, fig. 8, 2], представленных каталоге экземплярами из Шестовицкого могильника (кат. № 163, 175). Ошибочно определена и техника изготовления двух фибул из новых исследований в Шестовице (кат. № 261, 262), обе выполнены литым — на них нет ни тиснения, ни зерни, ни сканнхеймского, как это утверждает авторами приложений (с. 346, 347). К стилю «Терслев» зато следовало бы отнести сканную подвеску из к. 78 Шестовицы (кат. № 179) (ср.: [Duczko, 1985, fig. 23; 25; 26]).

Подвеска из к. 7 черниговского могильника «в Березках» (кат. № 221), декорированная шес-

тью сканнхеймскими волютами, сравнивается авторами каталога с 4-х волютным вариантом из Бирки (с. 290). Литую версию такой подвески из п. 119 Бирки И. Кальмер выделил в тип «Сёдерби», тогда как литую версию с 6-ти волютным декором из п. 967 — в отдельный тип «Бирка 967» [Callmer, 1989, s. 22]. Утверждение авторов приложения о принадлежности литых подвесок из Шестовицкого погребения 2011 г. (кат. № 263—266) к типу «Сёдерби» (с. 348) ошибочно — подвески имитируют 6-ти волютную схему декора типа «Бирка 967», отличаясь от них только направлением завитков снизу вверх. Аналогичная «перевернутая» сканная версия 6-ти волютной подвески известна из раскопок Владимирских курганов [Спицын, 1905, рис. 173] — не исключено, что такая модификация присуща только территории Руси.

Более уверенно о древнерусском характере украшения можно говорить в случае с подвеской из раскопок Шестовицкого городища (кат. № 277). Отсутствие умбоновидного выступа, и даже просто выделения центра надчеканкой, не позволяют называть её обычной «щитообразной» (с. 355). В отличие от скандинавских подвесок, мотив «сегнерова колеса» здесь в зеркальном отображении, подобно подвескам Васьково и Максимовки [Новикова, 1998, рис. 2, 15, 16], а двухрядная круговая надчеканка узким инструментом вообще не характерна для щитообразных подвесок — создается впечатление, что в качестве заготовки для данной имитации был взят уже готовый монетовидный кружок с надчеканкой. Остатки кустарного производства щитообразных подвесок прослежены, в частности, на Гнёздовском поселении [Ениосова, 2001, с. 134]. К локальным, характерным пока только для территории Руси, изделиям принадлежит также законченный меч из Шестовицкого камерного захоронения 2006 г. (кат. № 252) варианта А-2-3а по Н.В. Ениосовой или типа Гн-III-2 по С.Ю. Каинову [Каинов, 2009, с. 97]. Впрочем, как уже отмечалось выше, проблема «вещей-гибридов» авторами каталога обходится, а каталогизированию подвергнут широкий спектр предметов северо-европейского культурного круга влияния.

Каталог хорошо иллюстрирован; при его составлении использованы как новые фотографии предметов, так и заимствованные из публикаций и архивов фото и рисунки, но при этом не всегда понятно, почему для части сохранившихся предметов предпочтение отдается старым изображениям невысокого качества. Несколько фотографий неудачно обрезаны при верстке (кат. № 21, 32), но в каталоге наблюдаем и целый блок более серьезных ошибок, допущенных при иллюстрировании находок из Шестовицкого могильника.

Напильник (кат. № 142) — фото не соответствует рисунку [Черненко, 2007, рис. 37, 4]; на нем лишь обломок напильника, искусственно увеличенный до общих размеров всего предмета, тогда как масштаб молотка (кат. № 144), наоборот, уменьшен. Вместо изображения наконечника стрелы из п. 2 кургана 38 (кат. № 147) представлено фото стрелы из землянки 1 городища (кат. № 213). Фото «а» рогового острия (кат.

№ 158) — зеркальное изображение; на рис. 19 левое изображение скрамасакса (кат. № 251) также зеркальное; на фото шила (кат. № 172) — ошибочный масштаб обоих изображений (см.: [Блифельд 1977, табл. XVII, 12]); ножи кат. № 176 и 177 — перепутаны фото. На рис. 6 приложения I к деталям сбруи добавлен ремешок с наконечником, принадлежавший сумочке (с. 325), а к рис. 9 подпись с опечаткой, меняющей смысл: «Решмы упряжки» (вместо «упряжи»); хотя, впрочем, судя по находке седла в комплексе, речь шла о сбруе совсем не упряжного, а верхового коня.

Недоработки и досадные неточности в каталоге, очевидно, разочаруют читателя, надеявшегося получить готовый подручный справочник. Однако мы не будем спешить с резкой оценкой, зная, какие сложности ожидали авторов и редакторов каталога на длинном пути подготовки издания. Следует учесть, что к работе над книгой были привлечены специалисты с различными подходами и видением проблемы, объединить которых единой целью уже было непростой задачей.

К величайшему сожалению, одному из основных авторов — В.Н. Зоценко, так и не судилось принять участие в финальной стадии формирования, доработки и редактирования книги, что привнесло дополнительные проблемы и эмоциональную составляющую. Ещё одним фактором, повлиявшим на восприятие каталога, стало его издание ранее публикации анонсированных обобщающих монографий В.Н. Зоценко и Ф.А. Андрощука, посвященных древнерусско-скандинавским проблемам, в которых многие спорные или непонятные моменты авторских взглядов и интерпретаций, вероятно, были бы подробно прояснены.

Отдавая должное французским коллегам за нелёгкий труд издания русскоязычной книги в Париже, нельзя не заметить, что каталог, по существу, остаётся малодоступным для широкой заинтересованной аудитории на родине авторов. Поэтому выражаем надежду, что данная рецензия лишь послужит дополнительным стимулом к подготовке второго, исправленного издания столь актуальной и нужной работы.

А.В. КОМАР, Н.В. ХАМАЙКО

Беговаткин А.А. О некоторых атрибутах дружинной среды второй половины X — первой половины XI в. в западной части Среднего Поволжья // Научный Татарстан. — 2010. — № 4. — С. 10—18.

Блифельд Д.И. До питання про Боричів узвіз стародавнього Києва // Археологія. — 1948. — Т. II. — С. 130—144.

Блифельд Д.И. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. — К., 1977. — 235 с.

Богомольников В.В. Радимичи: по материалам курганов X—XII вв. — Гомель, 2004. — 226 с.

Бранденбург Н.Е. Журнал раскопок Н.Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. — СПб., 1908. — 225 с.

Бычкова Я.В., Ениосова Н.В., Нилус И.М., Пушкина Т.А. Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнездова // Тр. II (XVIII) Всеросс. АС. — М., 2008. — Т. 2. — С. 312—314.

Вознесенская Г.А. Кузнечное ремесло // Новое в археологии Киева. — Киев, 1981. — С. 267—284.

Вознесенская Г.А. Кузнечное ремесло // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — Киев, 1990. — С. 382—393.

Вознесенская Г.А. Железообработка на поселении в Шестовице. Технологические традиции // Археология и естественнонаучные методы. — М., 2005. — С. 101—113.

Вознесенская Г.А. Археометаллография в изучении кузнечного производства Южной Руси // Проблемы давньоруської та середньовічної археології. — К., 2010. — С. 88—93 (АДІУ. — Вып. 1).

Вознесенська Г.О., Недопако Д.П., Паньков С.П. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. — К., 1996. — 188 с.

Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла древней Руси 10—13 вв. — Л., 1936. — 112 с.

Ениосова Н.В. Ажурные наконечники ножен мечей X—XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. — М., 1994. — С. 100—121.

Ениосова Н.В. Литейные формы Гнездова // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина). — М., 1998. — С. 67—81.

Ениосова Н.В. О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнездове // XIV конф. по изуч. Скандинав. стран и Финляндии. Тезисы. — Москва; Архангельск, 2001. — С. 133—135.

Ениосова Н.В. Фибулы типа «Герслев» на территории Древней Руси // XVI конф. по изуч. Скандинав. стран и Финляндии. — Москва; Архангельск, 2008. — Ч. I. — С. 193—196.

Каинов С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнездова // Acta Militaria Mediaevalia. — Krakow; Sanok, 2009. — Vol. V. — S. 79—110.

Каргер М.К. Древний Киев. — М.; Л., 1958. — Т. 1. — 580 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. — М.; Л., 1966. — Вып. 1: Мечи и сабли IX—XIII вв. (САИ. — Вып. Е1—36). — 176 с.

Коваленко В., Моця А., Сытый Ю. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998—2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—XI ст. — Чернівці, 2003. — С. 51—83.

Козловская В. Остатки славянского городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озере Буромке, Черниговской губ., Сосницкого уезда // ИТУ-АК. — 1912. — Т. 47. — С. 135—151.

Кондаков Н. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. — СПб., 1896. — Т. 1. — 214 с.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX—XIII вв. — М., 1954. — 230 с.

Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. — Киев, 1988. — 146 с.

Мельник К. Каталог коллекции древностей А.Н. Поля, в Екатеринославе. — Киев, 1893. — Вып. 1. — 217 с.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. — М., 2001. — 496 с.

Михайлов К.А., Ёлишин Д.Д. Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // Археологические вести. — СПб., 2004 — № 11. — С. 226—232.

- Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. — К., 2011. — 314 с.
- Наследие варягов. Диалог культур. — М., 1996. — 120 с.
- Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). — М., 1991. — С. 175—199.
- Новикова Г.Л. Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология: Традиции и перспективы. — М., 1998. — С. 165—174.
- Плавинский Н. [Рец.]: Андрощук Ф.А., Зоценко В. Н. Скандинавские древности Южной Руси (Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2012), 368 с. // Ruthenica. — Киев, 2012. — Т. XI. — С. 218—221.
- Плавинські М. Науковий каталог «Скандинавські старожитності Паўднёвай Русі»: Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские древности Южной Руси. Paris, 2012. 368 с. // Acta Archaeologica Albaruthenica. — Минск, 2012. — Vol. VIII. — С. 123—128.
- Пушкина Т.А. Новый гнёздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. — М., 1996. — С. 171—186.
- Розанова Л.С. Своеобразие технологии кузнечного производства Южной и Северной Руси в домонгольский период // Проблемы археологии Южной Руси. — Киев, 1990. — С. 92—96.
- Розанова Л.С., Пушкина Т.А. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнездова // Археол. сб. Гнездово. 125 лет исследования памятника. — М., 2001. — С. 77—82 (Тр. ГИМ. — Вып. 124).
- Сагайдак М.А., Хамайко Н.В., Вергун О.И. Новые находки древнерусских игральных фигурок из Киева // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Коростень, 2008. — Т. 2. — С. 137—145.
- Самокасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. — М., 1916. — 101 с.
- Смолічев П.І. Реестр вещей, найденных при раскопках северянских могил возле с. Шестовицы в июле—августе 1926 г. // НА ІА НАНУ. — Ф. 6. — № 31.
- Спицын А.А. Владимирские Курганы // Изв. ИАК. — СПб., 1905. — Вып. 15. — С. 84—172.
- Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года // КСИА. — 1962. — Вып. 87. — С. 6—30.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. — М., 1997. — 315 с.
- Толмачева М.М. Обработка черного металла в Хазарском каганате: (по материалам памятников междуречья Дона и Северного Донца): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1990. — 19 с.
- Толочко П.П. Новые археологические исследования Киева (1963—1978 гг.) // Новое в археологии Киева. — Киев, 1981. — С. 7—36.
- Фехнер М.В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 210—214.
- Хамайко Н.В. Тавлейные короли X в. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы междунар. конф., посвящ. 110-й годовщине со дня рожд. И.И. Ляпушкина. — СПб., 2012. — С. 284—288.
- Ханенко Б., Ханенко В. Древности Приднепровья. — Киев, 1902. — Вып. V. — 104 с.
- Ханенко Б., Ханенко В. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. — Киев, 1907. — Вып. VI. — 86 с.
- Хойновский И.А. Раскопки Великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 года. — Киев, 1893. — 111 с.
- Церква Богородиці Десятинна в Києві. — К., 1996. — 223 с.
- Черненко О. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського (1896—1948 рр.) // Скарбниця української культури. — Чернігів, 2007. — Вип. 9 (спецвип. 1). — 135 с.
- Чернышев Н.А. О технике и происхождении «франкских» мечей, найденных на Днепрострое в 1928 г. // Скандинавский сборник. — Таллин, 1963. — Т. VI. — С. 211—226.
- Ясновська Л.В. [Рец.]: Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. — Paris, 2012. — 368 p. — (Occasional Monographs — 3) // Археологія. — 2013. — № 2. — С. 126—131.
- Arbman H. Birka I: Untersuchungen und Studien. Die Gräber: Taffeln. — Uppsala; Stockholm, 1940. — 282 S.
- Arbman H. Birka I: Untersuchungen und Studien. Die Gräber: Text. — Uppsala; Stockholm, 1943. — 529 S.
- Benazeth D. L'art du métal au début de l'ère chrétienne. — Paris, 1992. — 304 p.
- Callmer J. Gegossene Schmuckhänger mit nordischer ornamentik // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1989. — P. 19—42.
- Duczko W. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period: an Analysis of the Material from Björkö. — Stockholm, 1985. — 118 p.
- Duczko W. Runde Silberblachanhänger mit punziertem Muster // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1989. — S. 9—18.
- Duczko W. Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. — Leiden; Boston, 2004 — 290 p.
- Graham-Campbell J. Viking Artefacts. — London, 1980. — 312 p.
- Ivakin H. Excavations at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev // Kiev — Cherson — Constantinople: Ukrainian Papers at the XXth Internat. Congr. of Byzantine Studies (19—25 August 2001, Paris). — Kiev; Simferopol; Paris, 2007. — P. 177—220.
- Jansson I. Kleine Rundspangen // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1984. — S. 58—74.
- Jakovleva Je.A. New Burial Finds in Central Pskov from the Time of Princess Olga // Olga & Ingegerd — Vikingarfurstinor i öst. — (Historiska nyheter. Spes. Num. 2004—2005). — Stockholm, 2004. — P. 19—20.
- Les Vikings. Les Scandinaves et l'Europe 800—1200. — Paris, 1992. — 428 p.
- Petersen J. De Norske Vikingesverd. — Kristiania, 1919. — 231 s.
- Rauhut L. Wczesnośredniowieczny skarb ze wsi Borucin, pow. Aleksandrów Kujawski // Wiadomości archeologiczne. — 1955. — Т. XXII, 1. — S. 55—64.
- Staecker J. Rex regum et dominus dominorum: die wikingereitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. — Lund, 1999. — 621 s.
- Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I. — Stockholm, 1958. — 418 s.
- Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. II. — Lund, 1947. — 383 s.
- The Ancient Hungarians. — Budapest, 1996. — 477 p.
- Wegraeus E. Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II: 2. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1986. — S. 21—34.
- Whittaker H. Game-boards and Gaming-pieces in the Northern European Iron Age // Nordlit. — 2006. — № 20. — P. 103—112.

Одержано 11.10.2013